

Содержание некоторых минеральных веществ в обычной и черной соли, мг в 30 г

Элемент	Суточная потребность, мг	Содержание в 30 г, мг	
		соль белая	соль черная
Калий	2500—5000	3	78
Кальций	800—1000	122	130
Магний	300—500	7,3	9,2
Фосфор	1000—1500	—	60
Иод	0,1—0,2	—	0,9
Хром	0,25	—	0,8

бавляют к порошкообразным лекарствам и другим веществам нейтральные наполнители. Такую же роль, по-видимому, играет и уголь в черной соли.

Веками, тысячелетиями, иногда путем трагических ошибок создавал народ наиболее удачные сочетания продуктов, сбалансированные по содержанию важнейших пищевых веществ. Многие исследования, проведенные авторами, показали поразительную целесообразность многих народных рецептов и кулинарных приемов. Это же относится и к черной соли.

Обычная соль — это хлористый натрий с небольшой примесью других минеральных веществ непостоянного состава.

Проведенные нами анализы и расчеты показали, что растворимая часть черной соли содержит 94% хлористого натрия и около 5—6% золы от хлеба. Зола эта обогащает соль такими жизненно важными веществами, как соединения иода, калия, кальция, меди, цинка, хрома и др. В таблице приведены данные для сравнения содержания некоторых минеральных веществ в обычной и черной соли (суточное потребление соли принято 30 г).

Таким образом, народная традиция использования черной соли представляет не только исторический и этнографический интерес, но и заслуживает внимания гигиенистов.

Остается загадкой, был ли этот обычай распространен и в других районах страны, а если был, то почему сохранился только в Костромской области.

С. В. Жарникова

**О НЕКОТОРЫХ АРХАИЧЕСКИХ МОТИВАХ
ВЫШИВКИ СОЛЬВЫЧЕГОДСКИХ КОКОШНИКОВ
СЕВЕРОДВИНСКОГО ТИПА**

**[По материалам Вологодского областного
краеведческого музея]**

Среди многочисленных мотивов русской народной вышивки антропоморфные изображения, а точнее их архаическая группа, представляются на сегодняшний день наименее изученными. Это вполне естественно, так как ключ к разгадке смысла многих композиций данной группы, созданных где-то в глубинах минувших тысячелетий, давно утрачен.

Но несмотря на это, интерес к русской народной вышивке архаического типа, возникший еще на рубеже нынешнего века, год от года растет. Во время многочисленных этнографических экспедиций собираются все новые и новые материалы, все шире привлекаются коллекции краеведческих музеев, все интенсивнее идет процесс осмысления, систематизации этих материалов.

Уже на ранних этапах изучения русской народной вышивки архаического типа был отмечен как один из древнейших особенно распрост-

раненный в северной вышивке мотив женской фигуры с «предстоящими» (всадниками, конями, барсами, собакоголовыми существами, птицами, антропоморфными фигурами и т. д.). В. С. Воронов¹ и В. А. Городцов² — крупнейшие исследователи русского народного искусства отмечали в своих работах, увидевших свет в 20-е годы, что изображение женской фигуры с «предстоящими» в русской крестьянской вышивке можно трактовать как поклонение великой богине-матери — божеству земли, вод, плодородия. В 40-е годы появляются работы Б. А. Рыбакова³, Л. А. Динцеса⁴, В. А. Фалеевой⁵, где на обширном археологическом и этнографическом материале раскрывается генезис данного мотива. В последние два десятилетия вышел в свет целый ряд работ, посвященных русской крестьянской вышивке и ее семантике: статьи А. К. Амброза⁶, Б. А. Рыбакова⁷, работы И. Я. Богуславской⁸, Г. С. Масловой⁹, В. М. Вишневской¹⁰ и многих других исследователей. Но наряду с основательно разработанной темой женского персонажа с «предстоящими» до настоящего времени еще относительно слабо изученным оставался другой архаический мотив, значительно реже встречающийся в вышивке, а зачастую просто закрытый позднейшими наслоениями или трансформированный и стилизованный почти до неузнаваемости, — это изображение богини Рожаницы, т. е. женского божества, свершающего акт рождения.

В 1981 г. вышло в свет фундаментальное исследование Б. А. Рыбакова, посвященное язычеству древних славян¹¹, где дан глубокий анализ как причин возникновения культа небесных хозяек — Рожаниц, так и генезиса этого образа (от полуженщин-полулосих древних охотников до богинь плодородия земледельцев неолита). Культ Рожаниц показан в процессе развития и исторических трансформаций. Автор сделал также очень важный вывод о глубокой архаичности, удивительной живучести этого, одного из главных, если не главнейшего, самого распространенного языческого культа на Руси. Как убедительное свидетельство глубины исторической памяти народа Б. А. Рыбаков привел многочисленные образцы передачи древних мифологических сюжетов в народном изобразительном творчестве, и в частности в вышивке. Он пишет: «Поиск фрагментов славянской мифологии... не может быть завершен без специального рассмотрения такой сокровищницы больших и малых мифологических сюжетов, как русская, преимущественно северная, вышивка». Далее говорится: «Женская одежда и орнаментация постельных принадлежностей (подзоры) связаны большей частью со свадебным ритуалом, насквозь пронизанным магическими заклятиями, формулами и символическими „письменами“ узоров. Таковы подвенечные кокошники невест, рубахи, накидки на свадебные повозки и многое другое»¹².

¹ Воронов В. С. О крестьянском искусстве. — В кн.: Избранные труды. М.: Сов. художник, 1972.

² Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — Тр. Гос. Истор. музея, В. 1, 1926.

³ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники). — Сов. этнография, 1948, № 1, с. 90—106.

⁴ Динцес Л. А. Дохристианские храмы на Руси. — Сов. этнография, 1947, № 2, с. 67—94.

⁵ Фалеева В. А. Русская народная вышивка: древнейший тип. Л.: Гос. Русск. музей, 1949.

⁶ Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками». — Сов. археология, 1975, № 3, с. 14—27; *его же*. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. — Сов. археология, 1966, № 1, с. 61—67.

⁷ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. — Сов. археология, 1965, № 1.

⁸ Богуславская И. Я. О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией в русской народной вышивке. М.: Наука, 1964.

⁹ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978.

¹⁰ Вишневская В. М. Многозначность символов народного творчества. — Декоративное искусство СССР, 1974, № 9, с. 31.

¹¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

¹² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян, с. 471.

Б. А. Рыбаков выделяет мощный пласт сюжетов русской народной вышивки, связанных с изображением Рожаниц в позе рожавшей женщины. Как правило, эти изображения очень условны, зачастую превращены в трудночитаемый узор, но везде для них характерно четкое вертикальное построение распластанной, стилизованной фигуры «женщины-лягушки», «женщины-дерева», «женщины-вазона» или так называемого «ромба с крючками», определенного А. К. Амброзом как древнеземледельческий символ плодородия, в основу которого, вероятно, легло также изображение Рожаницы, но трансформированное и геометризированное.

Надо сказать, что в севернорусской крестьянской вышивке есть целый ряд орнаментальных форм, которые можно рассматривать как промежуточный этап между натуралистичным изображением акта деторождения и строго геометричной знаковой формой «ромба с крючками»¹³. Как правило, изображения эти, помещенные на передниках, подзорах, полотенцах, по своим габаритам камерны, перенасыщены деталями, и выделить из многочисленных завитков, крестиков, ромбов основную часть композиции — изображение Рожаницы — бывает предельно сложно. Тем больший интерес представляют для нас сравнительно крупные по размерам, не перегруженные деталями вышивки, украшающие головки («четверти») женских кокошников, особенно сольвычегодских кокошников северодвинского типа, так называемых «черевковских» повойников, где изображения Рожаниц даны наиболее цельно и даже порой натуралистично. Описание и анализ их орнаментики содержатся в статье Г. С. Масловой, где отмечено, что кокошники с орнаментом подобного типа бытовали в основном на северо-востоке Вологодской губернии и сохранились в незначительном числе до наших дней¹⁴. Нескольких таких кокошников в настоящее время хранится в фондах Вологодского областного краеведческого музея, и на мотивах их вышивок хотелось бы остановиться подробнее.

В этой группе выделяется сольвычегодский кокошник северодвинского типа с характерной для первой половины XIX в. «четвертью» малинового штофа и вышивкой золотыми и серебряными нитями (рис. 1). Как почти во всех северодвинских кокошниках, предназначенных для сравнительно молодых женщин, т. е. женщин, способных быть матерями, очелье его оформлено в центральной, лобной, части полосами золотого фабричного позумента, на висках по малиновому штофу выполненная золотая вышивка по «карте» (картонным шаблонам), представляющая собой стилизованную ветку. «Четверть» кокошника вышита золотыми и серебряными нитями по «карте» и украшена небольшими розовато-оранжевыми бусинами. В вышивке легко читается изображение странного зооантропоморфного большеголового существа. Глаза его — две бусины подчеркнуты обводкой серебряной нитью, рот сердцевидной формы, почти полностью заполнен гипертрофированно большим языком. От туловища, рассеченного в центре своеобразной пятиугольной фигурой с включенным в нее стилизованным изображением, очень похожим на характерных для деревянной резьбы и вышивки русского Севера парноголовых коньков, отходят две пары широко расставленных в стороны рук-лап. Верхняя пара их завершается трилистниками, нижняя — тремя овальными пальцами, один из которых трансформируется в тело какого-то фантастического животного, возможно, это стилизованное изображение птицы. Между ногами, широко расставленными в стороны, помещена соединенная с этим существом тонкой золотой полосой характерная для северодвинских кокошников ступенчатая пирамидоподобная форма.

Более поздней модификацией этого сюжетного мотива представляется вышивка на другом северодвинском кокошнике, хранящемся также в фондах Вологодского областного краеведческого музея (рис. 2).

¹³ Маслова Г. С. Указ. раб., рис. 18, а, б, в, д, е, з, и, м; 19, б; 31; 38; 40, б; 61, а.

¹⁴ Маслова Г. С. Северодвинская золотосшейная вышивка. — Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXVIII. Л.: Наука, 1972, с. 34—36.

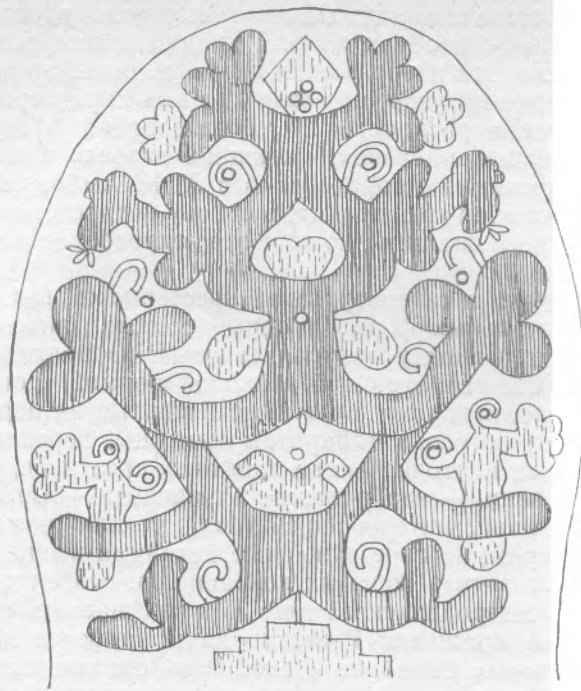

Рис. 1. Кокошник сольвычегодский северодвинского типа. Вышивка золотыми и серебряными нитями по карте. XIX в. Вологодский областной музей.

Здесь на «четверти» малинового штофа представлено очень странное изображение дерева, составленное из различных условных звериных и растительных форм. Венчают его в верхней части две направленные в разные стороны головки на длинных шеях, очень напоминающие змеиные; ветви дерева удивительно похожи на стилизованные опущенные вниз руки-лапы. И особенно интересна нижняя часть этого своеобразного дерева: две резко выгнутые и поднятые вверх ветки-лапы, на редкость похожие по очертаниям на ноги существа, вышитого на ранее описанном повойнике. Между этими ногами-ветками помещена вытянутая треугольная форма, вырастающая из тела-дерева.

Более геометризированным вариантом сюжета, связанного с изображением богини Рожаницы, думается, является орнаментальное решение «четверти» еще одного из рассматриваемых нами здесь северодвинских кокошников. Очелье его, как и у двух предыдущих, в лобной части сплошь зашито фабричным позументом, полосы которого пришиты так, что легко читается изображение треугольника. На висках помещены вышитые золотой нитью по «карте» кресты с загнутыми концами. «Четверть», выполненная из вишневой ткани, украшена также вышивкой золотой нитью по «карте». Орнамент выполнен как бы лентой (примерно 1,0 см шириной) и складывается в очертания стилизованной, очень схематичной фигуры с головой, составленной из двух разорванных овальных форм, «руками» — змеящимися лентами и широко составленными, очень условно изображенными ногами. Из этой фигуры вырастает соединенный с ней тонкой полоской крест с загнутыми концами, под которым помещены две сросшиеся S-образные формы; их можно прочесть как мотив двух птиц-лебедей (или двух змей), но в сочетании с крестом с загнутыми концами они по очертаниям очень похожи на фигуру Рожаницы с головкой-крестом, опущенными вниз руками и широко разведенными в стороны змеящимися ногами. Из этой формы также опущена вниз тонкая полоска — «пуповинка».

Возможно, приведенная выше трактовка подобных орнаментов покажется субъективной и натянутой. Но вот что пишет по поводу орна-

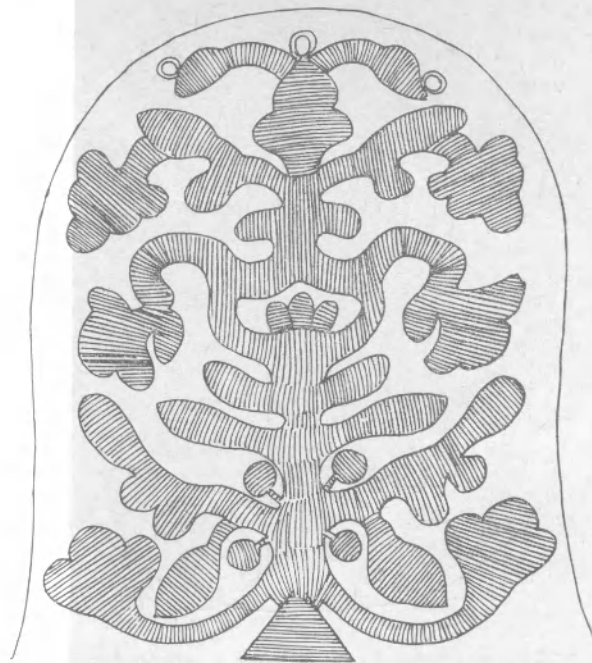

Рис. 2. Кокошник сольвычегодский северодвинского типа. Вышивка золотыми и серебряными нитями по карте. XIX в. Вологодский областной музей.

ментов черевковских повойников Г. С. Маслова: «Серединный элемент, разрастаясь, занимает центральную часть поля и превращается в древовидную фигуру с ветвями — „руками“ в виде завитков, а лебеди, повернутые друг к другу, помещаются у подножья крупным планом или мелкими фигурками на ветвях... Розетка, ромб, ступенчатый лучистый ромб (или половина его — в виде ступенчатой пирамиды), заполняя фон, входят в состав композиции». И там же: «Лебеди обычно расположены по бокам центральной оси, состоящей из *антропоморфной фигуры* (курсив мой.— С. Ж.), реже деревца, составляя трех- или пятичастную композицию (так как центральная фигура далее иногда повторяется в несколько измененном виде). Характерной ее особенностью являются опущенные вниз или загнутые вверх (реже) завитки — „руки“. Нередко фигура помещается на парноголового лебедя или животном, напоминающем конька»¹⁵.

Думается, у нас есть основания предположить наличие стилизованной, очень условной антропоморфной фигуры и на «четвертях» северодвинских кокошников, хранящихся в фондах Вологодского музея. Весь вопрос в том, действительно ли это изображение именно древней славянской языческой богини Рожаницы. И тут хотелось бы привлечь материалы орнаментики тарногских повойников — *борушек*, также хранящихся в Вологодском областном краеведческом музее (рис. 3); на них очень хорошо читается изображение странного звероподобного существа с головой-ромбом или ступенчатой пирамидкой, руками и ногами — звериными лапами. Всегда в нижней части композиции можно увидеть очень условную, но чрезвычайно похожую на центральную маленькую фигурку такого же звероподобного существа с головой-ромбом или пирамидкой, часто украшенной своеобразными рожками, с широко расставленными «руками» и «ногами» и соединенную с главной фигурой тонкой полоской — «пуповинкой».

Что это — случайность или закономерность? Тарнога довольно далеко отстоит от северодвинского с. Черевкова, где были изготовлены описанные ранее кокошники. Но Северная Двина и Сухона связаны друг с

¹⁵ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки, с. 63—64.

Рис. 3. *Борушка* тарногская. Золотое и серебряное шитье по карте. XIX в. Вологодский областной музей.

другом и с речной системой Вологодчины в целом. Быть может, этот мотив один район позаимствовал у другого? Для такого предположения есть основания, хотя по форме борушки Тарноги мало похожи на северодвинские кокошники и в орнаментальном решении тоже есть существенные различия. Связывает оба типа женских головных уборов единство темы, единство изначальной основы украшающей их вышивки — антропоморфная фигура, меж ног которой помещено или аналогичное ей существо, связанное с материнским лоном полоской — «пуповинкой» (борушки Тарноги), или ступенчатая, часто украшенная характерными удлиненными петельками-«ресничками» пирамида, или треугольник (северодвинские кокошники). Здесь имеет смысл обратиться к статье Е. В. Антоновой, посвященной семантике знаков на статуэтках анауской культуры, где делается следующий, на наш взгляд весьма убедительный, аргументированный вывод: «Кажется весьма вероятным, что смысл всех разновидностей „мохнатого“ треугольника связывался с идеей рождения, произрастания, появления и т. д.»¹⁶, т. е. ступенчатые пирамиды и треугольники северодвинских кокошников по существу аналогичны по своей знаковой сущности антропоморфным фигуркам, помещенным меж ног богини на тарногских борушках.

Нам представляется, что серьезным аргументом в пользу широкого ареала бытования изображений Рожаницы в древности является вышивка карельского повойника, воспроизведенная в книге А. П. Косменко «Карельское народное искусство»¹⁷, где изображение акта деторож-

¹⁶ Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков в статуэтках анауской культуры.— Сов. археология, 1972, № 4, с. 13. Там же Е. В. Антонова указывает (прим. 53) на сходство изображений на трипольских статуэтках с рассматриваемыми знаками анауской культуры и предполагает бытование подобных знаков с одной и той же семантикой на всей раннеземледельческой Ойкумене. К. Курбансахатов в статье «Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана» считает возможным заключить, что изображенная на пряслице с Алтын-депе ступенчатая пирамида — прототип будущего знака «треугольник с ресничками», хорошо известного по статуэткам эпохи бронзы (см. Сов. археология, 1981, № 2, с. 260—264).

¹⁷ Косменко А. П. Карельское народное искусство. Петрозаводск: Карелия, 1977, илл. 49—50.

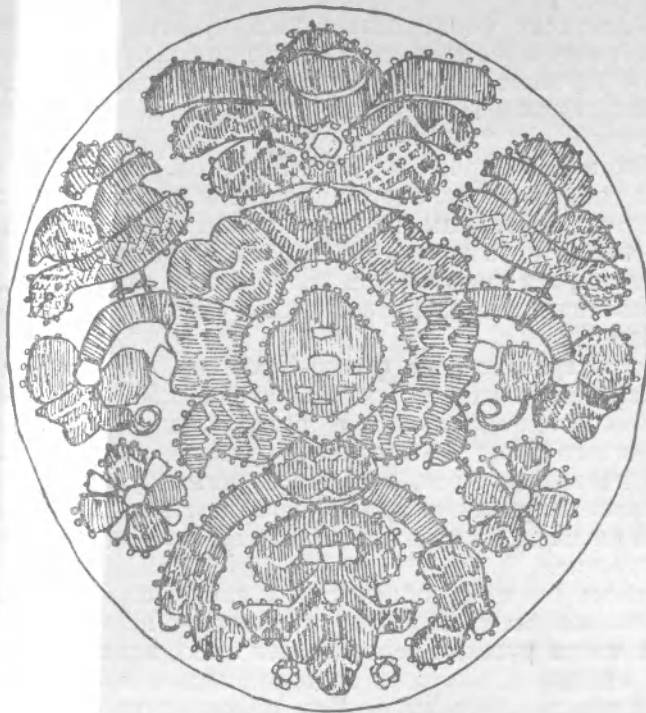

Рис. 4. Кокошник-повойник. Золотошвейная вышивка по бархатной ткани. Южные карелы. XIX в. См. Косменко А. П. Карельское народное искусство, илл. 49—50.

дения доведено до наиболее возможного в орнаментальной композиции натурализма (рис. 4). Можно предвидеть здесь возражения следующего порядка. Южная Карелия — ареал финно-угорский и поэтому композиции подобного типа могут оказаться в основе своей финно-угорскими, привнесенными в славянскую среду. Однако А. П. Косменко в результате анализа материалов пятилетних полевых исследований утверждает, что только в районах интенсивных контактов с русским населением в орнаментике карельской вышивки появляется изображение женской фигуры, а в чисто карельских районах таких изображений нет¹⁸. Кроме того, данные топонимики и гидронимики Тотемского и Сольвычегодского районов говорят следующее: почти все реки и озера здесь носят финно-угорские и саамские названия — реки Б. Ивас, Кокшеньга, Коненьга, Яхриньга, Уфтюга, Пельшма, Ловчаж, Тарнога, Илеза, Кортюга, Нижняя Майда, Верхняя Майда, Айга, Сулонга (Тарногский район); Северная Двина, Уртонаж, Удима, Лименда, Ватса, Вычегда, Виледь, Пица, Вонгода, Лябла, Евда (Сольвычегодский район). Думается, приведенные гидронимы указывают на первичное освоение края, а точнее — использование рек, древнейших дорог человечества, финно-угорскими племенами. Материалы же топонимики свидетельствуют о заселении этого сравнительно безлюдного в IX—X вв. края славянами, пришедшими сюда из новгородских и ростово-ярославских земель. Здесь хотелось бы привести названия населенных пунктов Тарногского района: Марачевская, Емельяновская, Антипинская, Власьевская, Запольная, Барышевская, Овсяниковская, Окуловская, Зацепинская, Ньюксинская, Сукманово, Паунинская, Цибунинская, Север, Тарнога, Черный Пар, Каменный Пар, Яхреньга, Сорокино и т. д. Одним словом, из 137 населенных пунктов, больших и малых, только 7 имеют выраженные финно-угорские названия: Яхреньга, Пендус, Югра, Согзар, Тарнога, Кочень-

¹⁸ Там же, с. 7—8.

га, Сулонга. Основная масса населенных пунктов Сольвычегодского района также имеет названия явно славянского, русского происхождения: Шивринь, Тючкино, Уткино, Заболотье, Крутец, Соколово, Смольников, Козловка, Княжа, Пименда, Антоново, Свинская, Княжено, Мышкино и т. д.¹⁹.

Вероятно, во многом прав был В. В. Пименов, утверждая, что «с продвижением на север и северо-восток происходило рассредоточение Чуди по огромным слабоосвоенным, почти не обжитым пространствам северной лесной зоны. И едва успела Чудь распространиться на Север, как вслед за ней двинулся новый поток колонизации славянской... Начался процесс ассимиляции, который отложился в виде преданий о пассивной, гибнущей Чуди»²⁰.

Бесспорно, рассредоточение финно-угров на обширных необжитых пространствах лишало их необходимой этнической устойчивости. Данные топонимики свидетельствуют в пользу подобного вывода: если центр, запад и юго-запад Вологодчины буквально перенасыщены финно-угорскими названиями рек, озер, населенных пунктов, то северо-восток практически имеет лишь финно-угорские гидронимы; что же касается названий населенных пунктов, то они, за немногим исключением, — славянские, русские.

Здесь хотелось бы вновь обратиться к следующему выводу, сделанному В. В. Пименовым: «...по каким-то не вполне ясным для нас причинам основная масса русских переселенцев либо, подобно новгородским ушкуйникам, миновала, почти не задерживаясь и почти не оседая, коренные земли вепсов, либо же вообще обходила их стороной, направляя свой путь непосредственно в Заволочье»²¹. Если все обстояло именно так, мы можем предположить, что когда-то, еще в X—XI вв., в район нынешних Тарноги и Сольвычегодска, а точнее с. Черевкова, перебрались из новгородских и ростово-суздальских земель русские люди, которые основали здесь, на почти не занятых территориях, свои поселения и дали им русские имена, сохранив древние финно-угорские названия рек и озер²².

Анализ топонимов позволяет с большой долей вероятности предположить принадлежность композиционных схем вышивки тарногских повойников и черевковских кокошников именно к славянской (русской), а не финно-угорской культуре. Кроме того, народная одежда, и прежде всего женская, считается одним из устойчивых элементов материальной культуры, а в Тарногском и Сольвычегодском районах сохранился в целостности и неприкосновенности славянский сарафанный, а не финно-угорский поясной комплекс. В связи с этим очень интересны материалы, приведенные Н. В. Шлыгиной, свидетельствующие о том, что у води, непосредственно и постоянно контактировавшей в Петербургской губернии с русским населением, до пореформенного периода устойчиво сохранялся свой костюм (абсолютно не похожий на севернорусский), состоявший из юбки, некоего подобия рубахи (очень своеобразного кроя) и головного убора, ничего общего с русским женским северным головным убором не имеющего. Орнаментация этих костюмов также очень далека от орнаментики русской женской одежды. В той же статье отмечается, что в конце XVIII в. русских элементов в водской одежде не было и что коренной переход к русской одежде произошел лишь в пореформенный период. Таким образом, водь стойко держалась своего традиционного костюма, а ведь это уже XVIII—XIX вв. Так есть ли у нас основания утверждать, что, сохранив свой, отличный от финно-угорского сарафанный комплекс, свои кокошники-повойники, население Тарногского и

¹⁹ Данные приводятся по состоянию на 1947 г. В настоящее время многих населенных пунктов уже нет.

²⁰ Пименов В. В. Вепсы. М.—Л.: Наука, 1965, с. 145.

²¹ Пименов В. В. Указ. раб., с. 189.

²² Шлыгина Н. В. О русских элементах в женской одежде води.— В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1977, с. 124—141.

Сольвычегодского районов на одной из сакральнейших частей костюма, на женском головном уборе, вдруг полностью использует чужую, финно-угорскую композицию и будет следовать ей в различных вариациях при том, что основная идея композиции практически осталась без изменений? Можно допустить возможность некоторых привнесений в орнамент, но трудно поверить, что один народ возьмет у другого композиционную схему, связанную с идеей продолжения рода и плодородия, сакральнейшую в своей основе, поместит ее на важнейшую часть своей одежды — головной убор и будет хранить в течение столетий.

Из всего вышеизложенного можно, кажется, сделать такой вывод. Тысячелетие или немногим более тому назад славяне принесли в Заволочье Великую богиню жизни — Рожаницу. Поместив ее изображение на кокошники, пронесли его через века и почти без изменений донесли до XX в.

Думается, наши материалы еще раз подтверждают правильность положения, сформулированного Б. А. Рыбаковым: «...население наиболее отдаленных северных районов (а именно к нему и были по преимуществу обращены обличения культа рожаниц) продолжало еще верить в двух рожаниц, сохраняя не только их безымянность, но и их теснейшую связь с архаичным охотничьим мифом о двух полуженщинах-полулосихах. Это полнее всего выявилось в таком первоклассном источнике, как народное изобразительное искусство XVIII—XX вв., сохранившее многие черты глубокой древности»²³.

²³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян, с. 470.